

к последней четверти IX в. до н.э. (УКН, с. 93) или же к периоду царствования Ишпуни, сына Сардури I (КУКН, с. 9).

Согласно мнению некоторых ученых, ряд формул в анналах урартских царей как будто заимствован из хеттской анналистики II тыс. до н.э., а не из ассирийской. Однако представляется более достоверным, что урартские анналы и надписи проявляют черты сходства именно с ассирийскими, а не хеттскими письменными памятниками, так как и в данном случае исключается прямая связь между хеттами и урартами: созданная значительно позднее урартская письменность происходит от ассирийской разновидности клинописи, тогда как хеттская и хурритская письменности восходят к староаккадской письменной традиции начала II тыс. до н.э.

Из урартских текстов, опубликованных после издания корпусов урартских надписей Г.А. Меликишвили и Ф.В. Кёнига, можно извлечь и некоторые исторические данные, имеющие особое значение для изучения урартского царского хозяйства, вопросов организации налогов и повинностей, повседневной общественной жизни в Урарту, последовательности и хронологии правления последних урартских царей и многого другого. Хотя большое количество урартских слов относится к лексике военных, строительных и религиозных (в частности культурных) надписей, появились новые данные и для уточнения и дальнейшего изучения исторической географии Урарту и т.д.

В заключение можно сказать, что выход в свет рецензируемого труда Н.В. Арутюняна является большим событием в мировой урартологии, значение которого трудно переоценить.

Т.В. Гамкрелидзе, Г.Г. Гиоргадзе

© 2003 г.

О.В. КУЛИШОВА. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. 429 с.

Работа О.В. Кулишовой посвящена истории Дельфийского храма и оракула в эпоху греческой архаики и классики. Она знаменательна тем, что в ней прослеживаются не только история святилища, его организация и структура, но и дан подробный анализ участия Дельф в международных связях того времени, их вмешательства во взаимоотношения греческих полисов друг с другом, с варварскими государствами Лидией и Персией, сыгравшими важную роль в судьбе Эллады. Книга, изданная в серии *Studia classica* и хорошо иллюстрированная, состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Приложения с текстами дельфийских оракулов, а также обширного списка литературы.

Во Введении даются подробный анализ источников и историография вопроса, где перечисляются основные точки зрения зарубежных и отечественных исследователей по проблемам истории дельфийского святилища и прорицалища. Автор отмечает, что будет пользоваться всеми видами источников, однако основной упор делает на использование свидетельств античных писателей, среди которых главное место занимает сочинение Геродота. В обзоре литературы рассматриваются почти все существующие на данный момент подходы и выводы не только по проблеме межгосударственных контактов Дельф, но и по вопросам возникновения культа Аполлона, мантики и обрядовой стороны религиозных церемоний в святилище. Автор активно использует труды англо-американских, французских и немецких ученых, убедительно спорит с ними, приводя собственные аргументы, но чаще присоединяется к той или иной из высказанных точек зрения. Здесь же сформулированы задачи исследования, ответ на которые, забегая вперед, полностью дан в последующих главах.

I глава посвящена культу бога Аполлона в начальные годы существования Дельфийского святилища. В ней раскрывается значение этого культа для эллинов, анализируются основные мифы, связанные с богом и его оракулом в Пифо, и на их базе исследуются главные версии происхождения культа. О.В. Кулишова отмечает многочисленные ипостаси Аполлона уже в крито-микенскую и гомеровскую эпохи, выделяя такие его функции как сеятель смерти и ужаса, исцелитель, покровитель света и искусств, «апогройей»-защитник и бог-прорицатель. Подчеркивается тесная связь бога с государственным устройством полисов в архаическую эпоху, что было навеяно общеисторической ситуацией, подпитывавшейся процессами становления и развития полисных гражданских общин. Автор справедливо относит почитание Аполлона в контексте общегреческого пантеона и связей с Зевсом, Лето и Артемидой к ми-

кенскому периоду. Такие его эпиклесы, как Отчий и Археет, восходят, по мнению О.В. Кулишовой, к архаическому периоду, а покровительство греческим колонистам проистекает из функции защитника, охранителя и организатора общегражданской структуры полисных коллективов. Плодотворна идея о притягательности Аполлона как покровителя искусств и мудрости для идеологических пристрастий греческой аристократии.

Далее О.В. Кулишова обращается к древнейшей истории Дельфийского святилища. На основании археологических материалов, добытых преимущественно в ходе раскопок французских исследователей, делается вывод, что Дельфы считались священными уже в микенскую эпоху. Приводя известные мифы об основании святилища, автор присоединяется к одной из распространенных в науке предположений о том, что до того, как стать местом почитания Аполлона, Дельфы выступали в качестве центра поклонения Матери Земли, отождествлявшейся с богиней Геей. С VIII в. до н.э. они превращаются в центр почитания Аполлона и устанавливают тесные контакты с другими областями античной Эллады. Это тотчас превратило их в своего рода межрегиональный центр всех греков. Касаясь оракульной практики святилища, автор, привлекая эпиграфические находки, приходит к выводу, что при обращении к оракулу взималась определенная плата как с представителей общин, так и с частных лиц. Причем она регулировалась специальными договорами с греческими полисами, а при особых обстоятельствах жрецы давали первоочередное право обращения к оракулу – так называемую промантию. Все это возвышало Дельфы над другими греческими городами, повышая их политический и религиозный вес.

Во II главе рассматривается проблема становления Дельф как панэллинского центра в архаическую эпоху, подчеркивается авторитет оракула в религиозной сфере, прежде всего в установлении очистительных обрядов, игравших важную роль в устранении гражданских и социальных распрей, неизменных атрибутов процесса развития полиса. Автор исследует и влияние Дельф на греческую колонизацию, при этом указывает, что важным этапом было освящение божеством деятельности ойкиста. Выявляя практическое значение деятельности оракула, О.В. Кулишова полагает, что ответы пифии, в которых содержались точные географические ориентиры тех мест, где эти колонии возникали, являются синхронными основанию апойкий. Ею делается справедливый вывод, что дельфийское святилище выступало в первую очередь идейным вдохновителем освоения эллинами Южной Италии и Сицилии. Данные об этих землях попадали к дельфийским жрецам с раннего времени от посещавших святилище паломников, испрашивавших совета оракула. По сути эта идея интересна, но спорная, тем более что не исключено предположение о более поздней обработке жречеством ранних оракулов, действительно данных перед выведением колоний. Ведь священные послы-феоры регулярно посещали полисы, основанные в ходе колонизации при идейном соучастии Дельф, для объявления о священных празднествах, Пифийских агонах и привлечения на них греков из разных мест. Во время этих поездок к жрецам могли стекаться сведения о местоположении колоний, их окружении, что впоследствии отразилось в храмовых записях и попало к античным писателям, сохранившим тексты оракулов.

О.В. Кулишова верно подметила и еще одну важную сторону влияния Дельф на внутривнутриполитическую жизнь Греции – большую их роль в разработке законодательства и устройстве государственных дел различных полисов. Отмечая прочную связь оракула с древней мудростью и канонами семи мудрецов, она неоднократно перечисляет их заслуги и имена. Однако из ее поля зрения выпал тот факт, что, согласно одной из версий, к семи мудрецам причисляли и известного мыслителя Анахарсиса, который считался выходцем из Северного Причерноморья и, по преданию, происходил из скифской среды. Он был знаком с Солоном, законы которого проводились в жизнь в Афинах при определенном участии Дельф. Следовательно, мы можем косвенно говорить о мудрости Анахарсиса, невеянной вероятным посещением или влиянием святилища и оракула Аполлона. А это лишний штрих в пользу отстаиваемого автором тезиса о большой заинтересованности прорицалища в установлении связей с варварами.

В работе делается правильный вывод о том, что дельфийские изречения демонстрируют неприятие тирании. Но автору следовало бы объяснить это исторически сложившейся с самого начала существования святилища проаристократической позицией жречества. В этом плане мы не можем согласиться с теми исследователями (к числу которых, если судить по некоторым замечаниям, относит себя и О.В. Кулишова), которые считают, что «старшие» тираны ориентировались на каноны аристократических отношений и идеологию племенной аристократии гомеровской эпохи¹. Их политика в большинстве случаев была направлена на подрыв

¹ См., например, *Макаров И.А.* Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. № 2. С. 25–41.

опоры знати в греческих полисах, в том числе в области религии и культов. Последнее особенно наглядно проявилось в деятельности тиранов Коринфа и Сикиона, в результате которой родовая знать потеряла привилегированные позиции в филах, ставших отныне обычными государственно-административными институтами полисов с правом привлекать в свой состав широкие слои горожан².

Разбирая состав и структуру Пилейско-дельфийской амфикинии, автор отмечает, что первоначальным ее ядром был храм Деметры в Антеле, а Дельфы превратились в центр союза позднее. Тем не менее культ богини плодородия Деметры продолжал играть важную роль в религиозных концепциях союза, что подтверждают монеты амфикинии третьей четверти IV в. до н.э. Однако О.В. Кулишова опять-таки не дает необходимого подробного объяснения этого явления. Нам думается, что это связано с популярным в Дельфах до Аполлона культом богини земли и хтонических сил Γῆ Μητρ, которая легла в основу почитания богинь природы, всего сущего и хтонических сил Деметры и ее дочери Коры-Персефоны. Вытеснение Аполлоном культа богини земли, нашедшее отражение в легенде об убийстве дракона, было, вероятно, не окончательным, поэтому почитание Деметры осталось в дельфийском культе *вплоть до более позднего времени*. Это соответствовало мантике этого культа, когда Аполлон как бог света и охранитель воспринимался в качестве победителя злых катахтонических сил, олицетворяемых Пифоном, и богиней подземного мира Персефой, дочерью Деметры³. В целом же в работе исчерпывающим образом дана характеристика союза, выделяются его структурные особенности и состав членов.

III глава посвящена положению Дельф накануне и в период Греко-персидских войн. Она является наиболее сильной и выделяется своей исследовательской стороной. В ней раскрываются все детали взаимоотношений лидийской царской династии Мермнадов с Дельфами. Автор убедительно доказывает, что основу этих отношений составило стремление лидийских царей получить идеологическую поддержку проводимой ими политики в Ионийской Греции. О.В. Кулишова нацупывает и антиперсидские тенденции в сближении лидийского царя Креза с Дельфами, что представляется нам верным в свете тогдашней внешнеполитической обстановки в Восточной Эгеиде. Описывая роль Дельф во время войн греков и персов, автор выявляет ее двойственность. С одной стороны, сдержанность по отношению к антиперсидской коалиции, с другой – прославление победы эллинизма. Думается, здесь вновь проявились проаристократические тенденции в политике жречества Аполлона, обусловившие столь неоднозначную позицию оракула и святилища.

IV глава отведена изучению места Дельф в системе межгосударственных отношений V в. до н.э. Автор отмечает активизацию связей Дельф и Амфикинии со Спартой, снижение уровня контактов с Афинами, влияние оракула на спартанское государственное устройство. Что касается Амфикинии, то попытки спартанцев вытеснить оттуда Фессалию и получить гегемонию окончились неудачей, что способствовало постепенному установлению контроля афинян над союзом. Дельфы продолжали поддерживать лакедемонян и в ходе Пелопонесской войны, и это, по мнению О.В. Кулишовой, было результатом спартанской политики содействия автономии Дельф.

В «Заключении» подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы. К положительным моментам следует отнести хорошее владение автором материалом, прекрасное знание источников, литературы вопроса. Просматривается удачное совмещение исследовательских черт, основанных на владении источниковой базой, и аргументации, подкрепляемой выводами, изложенными в трудах предшественников. Тем не менее, в книге содержатся отдельные спорные и неоднозначно трактуемые положения.

Не совсем ясно, какую позицию занимает автор по вопросу о происхождении культа Аполлона. О.В. Кулишова перечисляет версии, но непонятно, какую из них – восточную, сирокеттскую или греческую, – считает правильной. Эта проблема особенно интересна, поскольку многие современные исследователи склонны связывать распространение культа Аполлона как солнечного божества именно с восточными, точнее шумеро-вавилонскими корнями, принимая во внимание близость его функций с Шамашем, а позднее с Гелиосом⁴. Не случайно ранние архаические изображения Аполлона представляют его во фригийской остроконечной шапке, в которой обычно изображали фригийского Атгиса, Мена и Митру. Такова, напри-

² Oliva P. Rana recca tyrannis. Praha, 1954. P. 458.

³ Сапрыкин С.Ю. Культ Деметры в Боспорском царстве в VI–IV вв. до н.э. (К вопросу о содержании обрядов земледельческих богинь на Боспоре) // Из истории античного общества. Горький, 1983. С. 59–72.

⁴ Simon E. Die Götter der Griechen. München, 1985. S. 132.

мер, терракотовая головка бога из Амикл близ Спарты, которая датируется 720–700 гг. до н.э.⁵ На восточные истоки культа указывает и связь Аполлона с волком, его эпитет *Λυκότομος*, демонстрирующую прямое малоазийское влияние, в частности, из Ликии и Фригии, где культ волка был распространен еще в начале железного века.

О.В. Кулишова отстаивает идею о связи оракула пифии с оракулом Геи, существовавшем до возникновения прорицалища Аполлона. Однако заимствование обряда одного культа другим – явление весьма редкое. Вряд ли это последствие поклонения богу виноделия Дионису, не исключаемого автором, так как эти культы сильно различались. Нам кажется возможным увязать это с Фебой, бабушкой Аполлона и Артемиды, считавшейся основательницей храма и оракула в Дельфах, которые она затем подарила внуку. Дочь Урана и Геи, она не была детищем земли, хотя вместе с оракулом подарила Аполлону и свое имя – Феб. Это лишь косвенная связь с Геей, тем более что по версии мифа Аполлон убил дракона Пифона, порождение Земли.

Касаясь значения термина «неокоры», О.В. Кулишова полагает, что сначала они были храмовыми служителями по поддержанию чистоты и порядка в святилище, а впоследствии богатыми дельфийскими гражданами, ведавшими финансами храма. Однако в своем первом значении неокоры всегда являлись блюстителями храма или святилища, его попечителями, делавшими пожертвования. Не ясно, почему автор работы считает жрецов и профетов синонимичными понятиями, ведь текст изложения убеждает как раз в обратном. Тем более что впоследствии профеты могли становиться жрецами.

Большое значение, как выше указывалось, имеет анализ географических ориентиров в пророчествах оракула об основании колоний. Надо четко уяснить, что пророчества, которые оставили нам поздние авторы, могли быть составлены уже по следам событий, т.е. после вывода колонии. Безусловно, в их основу заложены подлинные оракулы, но они могли быть переработаны жрецами храма в более позднее время и согласно канонам религиозной и политической пропаганды в зависимости от складывавшейся в Элладе обстановки. Так вели себя жрецы в Делосском храме и служители оракула Аполлона в Кларосе. Нельзя исключить и предположение, что точная информация о путях плавания и местностях могла исходить от критян, совершавших многочисленные морские походы и издревле тесно связанных с дельфийским храмом. Оракул об основании Гераклеи Понтийской, предписавший создать колонию у могилы героя Идмона, был дан мегарцу Гнесиюху в связи с тем, что по представлению эллинов там находился вход в подземный мир, где протекала подземная река Ахеронт и обитали души умерших⁶.

Представляется не совсем точным утверждение О.В. Кулишовой, что после Лелантской войны Мегары сконцентрировали свою колонизационную активность исключительно на северо-восточном направлении. Этому противоречат выведение эпойков в Мегары Гиблейские и основание Селинунта ок. 650 г. до н.э. уже после выведения колонии в Византий⁷.

Неубедительной кажется мысль о том, что «тирания как явление не пользовалась в Дельфах поддержкой» (с. 167), так как, по мнению автора, у нас нет свидетельств о поддержке Дельфами стремления греческих тиранов придать их власти легитимный характер. Действительно, интеллектуальный и политический уровень жречества не соответствовал авторитарному характеру тиранической власти, однако оракулы тиранам, посвящения от тиранов, обращения их к пифии и регулярные участия в Пифийских агонах вряд ли могли иметь место, не будь у них хоть косвенной поддержки со стороны святилища. Она была, но не постоянная, о чем красноречиво свидетельствует пророчество пифии Кипселу, основателю династии коринфских тиранов: «Ты сам и твои сыновья будут процветать, а твои внуки нет»⁸.

В тех главах, где О.В. Кулишова разбирает структуру и политику Амфиктионии, она то отрицает тезис о политическом единстве союза, то, наоборот, указывает, что Дельфы могли повлиять на его характер, усиливая его политическую роль. По данному вопросу требуется провести более детальное исследование на основе конкретных фактов. Остается не совсем понятно, что означает утверждение автора о «сильной личной власти» в Дельфах у Плутарха со ссылкой на его *Quest. gr.* 12, 293d. Вопреки мнению О.В. Кулишовой, что «в архаических Дельфах существовала сильная личная власть и знать занимала привилегированное положение».

⁵ *Ibid.* S. 121.

⁶ *Саврыкин С.Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху эллинизма // *СА.* 1978. № 1. С. 38–42.

⁷ *Пальцева Л.А.* Из истории архаической Греции. Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 140.

⁸ *Fontenrose J.* *The Delphic Oracle.* Berkeley – Los Angeles – London, 1981. P. 183.

ние», можно говорить только о власти жрецов, так как упоминание Плутархом царя в Дельфах согласуется с распространенной эллинской практикой наделять древних царей исключительно религиозными обязанностями. Это особенно широко практиковалось в дорийских общинах.

Интерес представляют рассуждения автора относительно структуры земельных отношений в Дельфах. Легенды, связанные со святилищем, показывают, что у дельфийской общины могла быть своя хора. Это значит, что город уже в эпоху архаики и ранней классики являлся полновесным полисом, что было убедительно доказано еще Л.М. Глускиной. То, что храмовые земли (*χώρα ἱερὰ*) управлялись амфиктионами, еще не означает отсутствия права дельфийского полиса ими распоряжаться. В отличие от городской хоры (*χώρα τῶν Δελφῶν*) он не мог их обрабатывать, но имел право включать под свой контроль как священные земли храма, которые не могли быть поделены на участки членами полисного коллектива. Аналогичная практика существовала и в других греческих храмовых общинах, например, на Делесе или в Малой Азии, в частности, в Команах Понтийской и Каппадокийской⁹. Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что Дельфы как храмово-гражданский центр сильно отличались от храмово-гражданских коллективов Малой Азии. Единственным отличием было то, что там над храмовыми общинами стояли эллинистические цари, а Дельфы были автономными. В целом структура полисных и храмовых земель была у них похожей, отличаясь лишь в деталях.

Непонятна позиция О.В. Кулишовой по вопросу о роли Алкмеона в Первой священной войне. Она приводит мнение Л.М. Глускиной и И.Е. Сурикова, что Алкмеон поддерживал Дельфы не в качестве официального представителя Афин, а как частное лицо, хотя тут же говорится, что «позиция официальных Афин, поддержавших Килона, могла быть созвучна стремлениям Алкмеонидов». Из этого напрашивается вывод, что причиной тому была официальная позиция Афин в отношении Килона и Крисы, оказывавшей Килону поддержку. А это заставляет думать о созвучии позиций Алкмеонидов и Афин в отношении Дельф, принижая «частную инициативу» Алкмеона в священной войне.

Полностью разделяя мнение автора об отношениях между Дельфами, Лидией и Милетом в VI в. до н.э., хотелось бы добавить только один политический мотив к изложенной им аргументации. Война Лидийского царства с милетянами вызывала голод и опустошение хоры города, что толкало жителей на переселение за море, в том числе и в ранее основанные милетские апойкии в Причерноморье. Мы знаем о покровительстве Дельф колонизации, поэтому обращение Алиатта и Креза к оракулу, связанное с их филэллинской позицией, должно было как-то смягчить или загладить их вину перед греками в связи с массовыми миграциями. В этой связи заслуживает внимание и высказанная недавно мысль, что лидийские цари Алиатт и в особенности Крез были заинтересованы в основании городов на побережье, в чем им могли помочь греки, имевшие богатый урбанизационный опыт. Благодаря тесным контактам с Дельфами Крез сумел сблизиться со Спартой и жречеством Аполлона, выступавшими идеологическими вдохновителями основания новых городов¹⁰.

Автор полагает, что приведенная Ваххилидом легенда об унесении Аполлоном царя Креза в страну гипербореев могла быть простым измышлением поэта. Но в основе этого поэтического приема лежит представление о том, что гиперборей – это народ у края света близ входа в подземное царство, где обитали души умерших. Вот почему Крез у Ваххилида не остается в живых, т.е. это созвучно ранним географическим представлениям ионийских греков и связано с заселением берегов Понта милетянами. Данный миф уместно сопоставить с известной легендой о перенесении Ифигении, дочери Агамемнона, в Таврику богиней Артемидой, сестрой Аполлона. Упоминание в нем тавров и Таврики появилось в VI в. до н.э. в результате основания первых древнегреческих колоний в Северном Причерноморье и навеяно убеждениями древних греков в том, что в этой части ойкумены можно было обрести бессмертие. Такие мифы, которые получили литературную обработку позднее¹¹, были призваны обосновать идею о заселении отдаленных земель и стран. Аполлон же являлся покровителем древнегреческой колонизации, в том числе и при основании колоний в Причерноморье.

Говоря о гиперборейях и их связях с культом Аполлона, О.В. Кулишова очень мало внимания уделила фракийскому происхождению этого бога и влиянию его культа во Фракии. Меж-

⁹ Saprykin S.Ju. Tempelkomplexe im Pontischen Kappadokien // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1989. 4. S. 136–141.

¹⁰ Суриков И.Е. Лидийский царь Крез и политическая жизнь Балканской Греции в VI в. до н.э. // Античность в современном измерении. Казань, 2001. С. 154.

¹¹ Русяева А.С., Русяева М. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 14–17.

ду тем еще в крито-микенскую эпоху в Маронее существовало святилище этого бога, а греческий город Аполлония Понтийская (совр. Созополь), по мнению некоторых ученых, был основан по желанию не эллинского, а фракийского Аполлона. Освоение же эллинами фракийского побережья Эгейды и Понта в VII-VI вв. до н.э. только способствовало росту его популярности в Греции, так как ранее его культ распространился в Малую Азию и Грецию именно из Фракии¹². Согласно известному мифу, Аполлон каждые 19 лет переносился в страну гипербореев на колеснице или на грифе, хозяине их земель. Там он отождествлялся греками и варварами-скифами с Гойтосиром, скифским богом солнца и стрелком. В местном скифском искусстве сохранились его изображения на грифе и с оленем, подтверждающие хтоническую сторону культа¹³. В этом мифологическая подоснова легенды о перенесении Креза Аполлоном в страну гипербореев, явно восходящая к моменту появления греков на берегах Понта, когда они избрали этого бога своим покровителем – гегемоном.

Распространено убеждение, что тесная связь Аполлона со страной гипербореев, сиречь с Северным Причерноморьем, проистекала в большей мере не от дельфийского, а от делосского и милетских святилищ Аполлона Дельфиния и Врача. Однако и в дельфийском культе отчетливо прослеживаются индо-иранские мотивы, которые позволили отождествлять греческого бога с близкими ему богами ираноязычных народов. Согласно некоторым легендам, центр земли и мироздания располагался у священной горы, которая находилась в районе гиперборейских Рипейских (Уральских) гор. Там помещали центр мира – омфал, и Дельфы также воспринимались как центр мира. Среди местных народов был почитаем огонь, игравший важную роль в дельфийском культе Аполлона. Ряд параллелей и черт сходства символов и мантики Аполлона с мифами и легендами индо-иранских племен¹⁴ позволяет ставить вопрос о том, что культ Аполлона Гиперборейского в Северном Причерноморье в немалой степени обязан своим происхождением не только делосскому храму Аполлона, но и его общегреческому святилищу в Дельфах. Это находит подтверждение в мифе о перенесении из Дельф к гиперборейцам вылепленного из воска и перьев храма бога (Paus. X.5.5), появлении в числе дельфийских феоров представителей северопонтийских городов, жертвованиях херсонеситов в Дельфийский храм, участии в Дельфийских агонах выходцев с Боспора и промантиях, данных в Дельфах херсонеситам. О популярности Аполлона Дельфийского на северном берегу Понта свидетельствуют и посещения дельфийскими феорами этой части света для привлечения тамошних греков к участию в Пифийских празднествах¹⁵. К сожалению, вне внимания О.В. Кулишовой остались эта сторона культа Дельфийского Аполлона, и участие прорицалища в Дельфах в делах северопонтийских государств и местных народов. А это тесным образом связано с Великой греческой колонизацией, проходившей под патронажем святилища в Дельфах, чему в ее работе уделено немалое место.

Несмотря на высказанные замечания и пожелания, естественные при оценке работы такого уровня, монография О.В. Кулишовой является серьезным научным исследованием, заполняющим лакуну в отечественной историографии по древней Греции, не слишком жаловавшей своим вниманием историю дельфийского прорицалища. Автору удалось высказать и по материалам источников аргументированно обосновать собственное мнение по ряду важных вопросов.

С.Ю. Сапрыкин

¹² *Siebert H.* Wo einst Apollo lebte. Das geheimnisvolle Volk der Thraker. Wien – Düsseldorf, 1976. S. 170.

¹³ *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913. С. 288; *Онайко Н.А.* Аполлон Гиперборейский // *История и культура античного мира.* М., 1977. С. 153–160.

¹⁴ *Селиванова Л.Л.* Индо-иранские мотивы дельфийской легенды об Аполлоне Гиперборейском // *ПИФК.* 1998. 5. С.101–110.

¹⁵ *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // *ВДИ.* 1939. № 3. С. 246–250.